

Вещная созвучность

Сравнительный анализ творчества
Арсения Несмелова и Ли Яньлина

Храм мировой поэзии строился долгими веками, его созидание не прекращается и по сей день — процесс этот бесконечен. И если развивать метафору, то поэтов всех времен и народов можно уподобить кирпичам в стенах этого храма: каждый лег на свое место, связанный воедино с другими волшебным раствором Поэзии, замешанным на словарях всех языков.

Вот почему невозможно представить ни русской, ни мировой поэзии без поэтов так называемого «русского рассеяния» — эмигрантов первой волны, как принято называть людей, по каким-либо причинам покинувших Россию после революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны. За свободу духа они заплатили самую высокую цену, имя которой — тоска по Родине. Покинуть Россию, чтобы понять корневую неразрывность с нею — только так можно определить их судьбу, горькую и зачастую трагическую. Не случайно лидер парижской части русской эмиграции Георгий Иванов в последний год своей жизни (1958) выдохнул прощальные строки:

...Кончаю земное хождение по мукам,
Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами.

В свое время великий Пушкин обронил пророческие строки о тех временах, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Мучительно долго идет этот процесс, но — идет! И свидетельством тому все возрастающий интерес к поэтам русского зарубежья, в частности к литераторам, жившим и работавшим в Китае, где существовал исторический центр русской эмиграции в Харбине, а затем часть его переместилась во время японской оккупации в Шанхай. Со временем появились книги, рассказывающие читателям об особенностях творчества писателей того круга, сохранилось немало их

Арсений Несмелов
(А. И. Митропольский).
Харбин, 1930-е гг.

произведений, как рассыпанных в периодических изданиях — газетах, журналах, альманахах, так и собранных воедино в их персональных книгах. Стали появляться переиздания, свободные от политических и иных наслоений, продиктованных требованиями государственного режима на различных этапах жизни таких великих стран, как Россия и Китай.

Лично мне близко творчество Арсения Несмелова (Арсения Ивановича Митропольского, 1889–1945), который, подобно Г. Иванову, тоже был лидером, только не парижской, а харбинской эмиграции.

Несмелов — один из очень немногих поэтов «русского Китая», чье творчество было относительно известно европейской эмиграции первой волны. Читатель, представлявший миллионную китайскую эмиграцию, стихи Несмелова хорошо знал и любил. В Европе Несмелова знали не по его сборникам, а по публикациям в «Воле России», «Современных записках» и «Русских записках», а также в «Вольной Сибири» (Прага) и по маленькой подборке в антологии «Якорь» (Париж, 1936). В Китае же у него была заслуженная репутация мэтра, первого поэта «русского Китая», где печатался он много и постоянно, участвовал в альманахах («Багульник» и «Врата»), в журналах («Рубеж» и «Понеделник») и во многих других периодических изданиях. Его стихи появлялись и в эмигрантских изданиях в США: в альманахе «Земля Колумба», чикагском журнале «Москва», альманахе «Ковчег», а посмертно и в лучшем эмигрантском журнале послевоенного времени — нью-йоркском «Новом журнале».

Арсений Иванович Митропольский (писавший под псевдонимами Арсений Несмелов, Анастигмат, Николай Дозоров, Тетя Розга и др.) посвятил литературе более 30 лет жизни. Родился он в Москве, печататься начал в возрасте 23 лет, первая публикация — в популярнейшей «Ниве». Первая книга — «Военные странички: стихи и рассказы» — издана была в Москве в начале войны. Участник Первой мировой войны, с 1918 г. он участвовал и в Гражданской: в 1918 г. уехал в Омск, позднее с армией Колчака отступал к Владивостоку.

Здесь в 1922 г. вышла его книга «Стихи», написанная под влиянием футуристов. К этому времени поэт еще не нашел своего пути: вышедшая в том же году во Владивостоке отдельным изданием поэма «Тихвин» обнаруживает связь с акмеизмом.

В 1924 году, незадолго до того как Несмелов перешел границу и стал эмигрантом, он выпустил во Владивостоке тоненький сборник «Уступы». Восемь книг было издано в Китае (в Харбине и Шанхае): сборники «Кровавый отблеск», «Без России», «Полустанок» и «Белая флотилия», вышедшие отдельными изданиями поэмы «Через океан» (1934) и «Протопопица» (1939) — историческая поэма о кроткой жене неукротимого протопопа Аввакума, книга прозы «Рассказы о войне» (1936 г.). Им написан также роман «Продавцы строк», так и не появившийся (кроме отрывка) в печати. В 1936 г. под псевдонимом Н. Дозоров вышла книга «Только такие» — сборник ультрапатриотических стихов. Социальный заказ любой окраски приводит в искусстве к плачевным результатам. Столь же неудачной оказалась и вышедшая в 1936 г. поэма «Георгий Семена», титульный лист которой обезображен жирной свастикой. Поэма издана под тем же псевдонимом — «Николай Дозоров». К этому перечню книг нужно еще добавить харбинское издание «Избранных стихов» А. Блока с предисловием Несмелова.

Конец поэта трагичен. Схваченный в Харбине в августе 1945 года, он был «доставлен» в товарном вагоне «домой», в СССР, и осенью 1945-го скончался в мучениях в камере пересыльной тюрьмы около Владивостока.

Впервые стихи Несмелова мне довелось прочитать в «Антологии поэзии Дальнего Востока», изданной в Хабаровске в год 50-летия Советской власти — 1967. Тенденциозность крохотной подборки, состоящей всего из пяти стихотворений, подчеркивало уже самое первое «Аккумулятор класса», где автор не пошел дальше повторений банального славословия Ленину. Было понятно, что без этой дани идеологическим установкам правящего режима появление имени Арсения Несмелова, участника Первой мировой войны, бывшего царского, а затем белогвардейского офицера, на страницах антологии было бы невозможно. Глубокое и живописно сильное стихотворение «Броневик» по той же причине было переименовано в «Белый броневик» и сокращено вчетверо: из 19 строф оставлены только пять. Давайте же прочитаем это стихотворение целиком, как его создал автор.

БРОНЕВИК

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой,
Куда и сцепщик с фонарем не лазит, —
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет «Каппель», белый броневик.

Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы.
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путаные тропы;
Но жизнь невозвратно далека
От пушек ржавого броневика.

Они глядят из узких амбразур
Железных башен — безнадежным взглядом,
По корпусу углярок, чуть внизу,
Сереет надпись: «Мы — до Петрограда!»
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.

Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опорожненные цинки:
Их исковеркал неудачный бой
С восставшими рабочими, с судьбой.

Последняя российская верста
Ушла на запад. Смотаны просторы.
Но в памяти легко перелистать
Весь длинный путь броневика, который,
Фиксируя атаки партизаньи,
Едва не докатился до Казани.

Врага нащупывая издалека,
По насыпи, на зареве пожарищ, —

Сползались тяжко два броневика,
 И «Каппеля» обстреливал «Товарищ».
 А по бокам, раскапывая степь,
 Перебегала, кувыркаясь, цепь.
 Гремит великолепная дуэль.
 Так два богатыря перед войсками,
 Сойдясь в единоборческий дуэт,
 Решали спор, тянувшийся годами...
 Кто Голиаф из них и кто Давид, —
 Об этом будущее прогремит.
 Подтягиваясь на веревке верст,
 Кряхтя, наматывая их на оси,
 Полз серый «Каппель», неуклонно пер,
 Стремясь Москву обстреливать под осень,
 Но отступающим — не раз, не два, —
 Рвались мостов стальные кружева.
 А по ночам, когда сибирский мрак
 Садился пушкам на стальные дула, —
 Кто сторожил и охранял бивак,
 Уйдя за полевые караулы?
 Перед глухой, восставшею страной
 Стоял и вслушивался, стальной...
 Что слышал он, когда смотрел туда,
 Где от костров едва алели вспышки,
 И щелкнувшей ладонью — «на удар!» —
 Гремел приказ из командирской вышки.
 — «Костры поразложили, дуй их в пим!
 Пусть, язвы их, не спят, коль мы не спим!»
 У командира молодецкий вид.
 Фуражка набок, расхлебаснут ворот.
 Смекалист, бесшабашен, норовист, —
 Он чертом прет на обреченный город.
 Любил когда-то Блока капитан,
 А нынче верит в пушку и наган.

Из двадцати трех — отданы войне
Четыре гроыхающие года...
В земле, в теплушке, в тифе и в огне
(Не мутит зной, так треплет непогода!)
Всегда готов убить и умереть,
Такому ли над Блоками корпеть!
Но бесшабашное — «не повезло!» —
Становится стремительным откатом,
Когда все лица перекосит злость
И губы изуродованы матом:
Лихие пушки, броневик, твои
Крепят ариергардные бои!
У отступающих неверен глаз,
У отступающих нетверды руки,
Ведь колет сердце ржавая игла
Ленивой безнадежности и скуки,
И слышен в четкой тукоте колес
Крик красных партизанов: «Под откос!»
Ты отползал, как разъяренный краб,
Ты пятился, подняв клешни орудий,
Но, жаждой мести сердце обокрав,
И ты рванулся к плачущей запруде
Людей бегущих. Мрачен и жесток,
Давя своих, ты вышел на восток...
Граничный столб. Китайский офицер
С раскосыми веселыми глазами,
С ленивою усмешкой на лице
Тебя встречал и пожимал плечами.
Твой командир — едва ль не генерал —
Ему почтительно отковырял.
И командиру вежливо: «Прошу!»
Его команде лающее: «Цубо!»
Надменный, как откормленный буржуй,
Харбин вас встретил холодно и грубо:

— Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
На что же, голоштаные, мне вы?

И чтоб его сильней не прогневить,
Еще вчера стремительный и зоркий, —
Уполз покорно серый броневик
За станцию, на затхлые задворки.
И девять лет на рельсах тупика
Ржавеет рыжий труп броневика.

И рядом с ним — ирония судьбы,
Ее громокипящие законы —
Подняв молотосерпные гербы,
Встают на отдых красные вагоны...
Что может быть мучительней и горше
Для мертвых дней твоих, бесклювый коршун!

Цицикар, 1928

От этих стихов, побывавших под тяжким цензурным прессом и вновь возрожденных из пепла забвения, веяло самобытной силой таланта, и что особенно подкупало тогда — силой несломленного русского духа. Говоря словами последнего стихотворения из той крохотной подборки, это была «воля, рассекающая гибель».

Настоящее понимание масштабности творчества Арсения Несмелова пришло гораздо позднее, когда мне удалось прочитать книгу его избранных стихотворений, поэм и рассказов «Без Москвы, без России», напечатанную в Москве в 1990 году, когда ветры перестройки принесли свежую струю в атмосферу общественной интеллектуальной жизни. Стало понятно место и значение творчества этого писателя в контексте не только отечественной, но и в целом мировой литературы. Традиции Пушкина и Толстого он сумел воплотить в лучшие страницы своих тринадцати поэтических и прозаических книг, вышедших как в России, начиная с первой книги «Военные странички» (Москва, 1916) и кончая сборником стихотворений «Белая флотилия», появившемся на свет в Китае (Шанхай, 1942).

Стало понятным включение профессором славистики Айовского университета (США) Вадимом Крейдом произведений А. Несмелова в антологию поэзии первой русской эмиграции «Ковчег», которая

была переиздана в Москве в 1991 году. И надо сказать, что А. Несмелов на равных соседствует с такими громкими именами, как Вячеслав Иванов, Иван Бунин, Георгий Иванов, Игорь Северянин, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева.

Объединяющее начало всех этих и многих других писателей-эмигрантов, конечно же, тоска по оставленной Родине. Это всепоглощающее чувство замешано на высокой сыновней любви. Но у А. Несмелова к этому постоянно присоединяется еще и непримиримость воина, проигравшего сражение.

В стихотворении «Восемнадцатому году» поэт испытывает себя в роли пророка.

...Ничьи знамена не сломила гибель...

Хвала тебе, год-витязь, год-наездник,

С тесьмой рубца, упавшей по виску.

Ты выжег в нас столетние болезни:

Покорность, нерешительность, тоску.

Все меньше нас — о Год! — тобой рожденных,

Но верю я, что в гневе боевом

По темным селам, по полям сожженным

Проскачешь ты в году...

Не названная рифма подсказывает прогнозируемую дату возможного возвращения со щитом — «в году сороковом». Но поэт ошибся на пять лет, а главная и роковая ошибка — он вернулся на родину «на щите». Как известно, в 1945 году советские войска разгромили японскую Квантунскую армию, освободили Харбин. Там-то и был арестован бывший офицер царской армии А. Несмелов, отправлен в Советский Союз, где вскоре и скончался в тюрьме близ Владивостока. Но то, что невозможно было осуществить силой оружия и ненависти, поэту удалось совершить своим творчеством: он решительно и прочно завоевал сердца тысяч читателей, по достоинству оценивших его талант поэта, патриота России.

Есть у А. Несмелова стихотворение «Ракета», где он задолго до наступления так называемой космической эры, которую ознаменовали собой запуски первых спутников, мечтает о полетах человека не только на Луну, но на Юпитер и Сириус. На подобного рода прозрения, несомненно, повлияла культура великого Китая, где давно уже

существовали порох и ракеты. Но суть стихотворения все же не в техническом решении замысла межпланетных полетов, ее автор видит в том, что:

Поэт говорит с поэтами,

Внимает творец творцу.

Рассеянные в пространстве,

Чтоб звездами в нем висеть,

Мы — точки радиостанций,

Одна мировая сеть.

Даже случайное провидческое совпадение — «мировая сеть» — Internet — не заслоняет основной мысли о содружестве поэтов, а значит и народов.

На полке моей домашней библиотеки почетное место рядом со стихами Арсения Несмелова занимают книги Ли Яньлина. Множество нитей связывают эти два имени, хотя даты их рождений разделяют шесть десятилетий. Первый — русский, второй — китаец, и оба — поэты. Воспитанные в руслах разных речевых культур, Несмелов и Ли Яньлин, как принято сейчас говорить, русскоязычные поэты. Судьба каждого по-своему драматична.

Ли Яньлин с детства изучал русский язык, который преподавала в школе русская эмигрантка. Он полюбил стихи Пушкина и Лермонтова, читал и изучал творчество других русских писателей, окончил факультет русского языка Хэйлунцзянского университета и стал преподавателем русского языка. В годы «культурной революции» в Китае подобное не приветствовалось, и Ли Яньлину пришлось испытать все тяготы так называемого «трудового перевоспитания» в ссылке. Но лишения не сломили дух этого стойкого человека, и когда пришли новые времена, Ли Яньлин вновь возвращается к любимому занятию. Он много читает и переводит с русского на китайский язык, вновь преподает русский язык, становится профессором Цицикарского университета. Именно в эти годы в нем возникает желание писать самому стихи на русском языке — напевном, обогащенном заимствованиями из языков других народов.

Когда между Россией и Китаем вновь стали налаживаться дружеские отношения, Ли Яньлин воспользовался возможностью бывать

в России, ближе познакомиться с ее культурой и людьми. Впечатления последнего десятилетия XX века вдохновили поэта на создание многих глубоких и ярких произведений. Собранные воедино, они составили последовательно четыре его книги («Я люблю Россию», 1994; «Песня о берегах Амура», 1996; «Сердце к сердцу», 1998; «Избранные стихи», 2001). Не случайно в Благовещенске, где вышли в свет эти книги, Ли Яньлин был принят в ряды Амурской областной писательской организации и стал тем самым первым китайским поэтом — членом Союза писателей России.

Ли Яньлин

В проникновенном стихотворении «Стрижи» Ли Яньлин образно живописует свою тягу к России.

Морозны ночи, да и дни свежи,
Но отшумели зимние метели,
И вестники весенних дней — стрижи —
Из южных стран на Север прилетели.
Издrevле над землею дважды в год
Кочуют в небе птичьи караваны —
Их Родина весной к себе влечет...
А что меня всегда на Север тянет?

А тянет поэта на север, в Россию, глубочайшее сочувствие к жизни дружественного народа. Умение сопереживать страданиям других людей ставит этого поэта в особый ряд гуманистов. В этом он верен традициям великого древнекитайского философа Конфуция (Кун Цзы, приблизительно 551–479 годы до новой эры). И особенно это касается следования центральному понятию этического учения Конфуция «жень» (гуманность) — закону, определяющему взаимоотношения между людьми и строго закрепляющему их общественное положение. По Конфуцию, правитель должен соблюдать установленную иерархию и в то же время поддерживать народ в выполнении его долга — учиться и нравственно совершенствоваться. Ли Яньлин не только усвоил учение великого философа, но и сумел

найти в русском языке те слова и образы, которые вполне отражали бы величие мудрости и самого Конфуция, и в целом великого китайского народа.

Проблемы переустройства государственности в России тяжело ударили по простым труженикам, к ним в первую очередь и обращается поэт в своих стихотворениях «В поезде», «Сполна история ответит» и ряде других.

...Движенье нужно, чтобы не застыть.

Надежда есть — ведь ночь не бесконечна,

Настанет утро, и тогда по солнцу

Определится верная дорога.

«Сквозь метель», 1995 г.

Особенность таланта Ли Яньлина в том, что он сумел соединить в себе азиатскую мудрость и русскую душевность. Этот сплав рождает прекрасные стихи, которые знают и любят в России тысячи читателей его книг. Не случайно Ли Яньлин обратился к творчеству русских поэтов, живших в Харбине в первой половине минувшего века. Затеянная им колоссальная работа по изданию их произведений на китайском языке — настоящий подвиг любви и дружбы. Истоки такого стремления можно найти в стихах самих поэтов.

В стихотворении «Ламоза» А. Несмелов описывает русского мальчика, волею судьбы с пеленок оказавшегося в Китае.

Синеглазый и светлоголовый,

Вышел он из фанзы на припек.

Он не знал по-нашему ни слова,

Объясниться он со мной не мог.

Предо мною с глиняною кружкой

Он стоял, — я попросил воды, —

Пасынок китайской деревушки,

Сын горчайшей беженской беды!..

...В этом — горе все твое таится:

Никогда, как бы ни нудил рок,

С желтым морем ты не сможешь слиться,

Синеглазый русский ручеек!

Ли Яньлин и Игорь Игнатенко на берегу Зеи. 2005 г.

И вот через годы, пройдя горнило испытаний, Ли Яньлин как бы отвечает своему старшему собрату А. Несмелову в стихотворении «И по маме, и по папе»:

Моя соседка, девушка-переводчица,
Собралась замуж за русского парня
И спросила, как полагается,
Согласия на это у мамы и папы.
Мама отказала: «Русские светлоголовые,
А у китайских детей черные волосы».
Папа согласился: «У русских ребятишек
Очень красивого цвета глаза».
Фирма отправила девушку в Россию
Года на полтора, в командировку.
Время пролетело, и она вернулась,
Но не одна, а с маленьким сынишкой.

Опечалилась мама, обрадовался папа,
А дочка сказала: «Я всем угодила.
По тебе, мама, — у ребенка черные волосы.
По тебе, папа, — у ребенка голубые глаза».

Китай, 30 декабря 1995 г.

Разумеется, это не спор поэтов, это просто иные реалии жизни, но было очень важно их вовремя заметить и так проникновенно отобразить. К тому же стихотворения взаимно дополняют одно другое, делая живописную канву истории выпуклой до осязаемости.

Характерно для обоих поэтов пристальное внимание к жизни трудового народа, колориту их быта, описанию природы, особой атмосферы нелегкой крестьянской работы, привычной дружескому глазу. Теплотой и добротой пронизаны строки стихотворения А. Несмелова «Около Цицикара».

По дороге, с ее горба,
Ковыляя, скрипит арба.
Под ярмом опустил кадык
До земли белолобый бык.

А за ним ускоряет шаг
И погонщик, по пояс наг.
От загара его плечо
Так коричнево горячо.

Степь закатом озарена.
Облака, как янтарь зерна.
Как зерна золотистый град,
Что струился в арбу с лопат.

Торопливо погружено,
Ляжет в красный вагон оно,
И закружит железный вихрь,
Закачает до стран чужих.

До чудесных далеких стран,
Где и угольщик — капитан,
Где не знают, как черный бык
Опускает к земле кадык,

Как со склона, с его горба,

Подгоняет быка арба.

Так и тысячу лет назад

Шли они, опустив глаза,

Наклонив над дорогой лбы,

Человек и тяжелый бык.

В этих строках русского поэта, волею судьбы оказавшегося за пределами родины, заключена духовность, имя которой — православное христианство. Оказывается, две религии, два народа, два мира стоят на одной и той же платформе — терпении и выполнении своего человеческого долга перед Богом и людьми.

Ли Яньлину, родившемуся и выросшему в описываемых Несмеловым местах, ныне живущему и работающему в Цицикаре, так же близок трудовой народ России, как и Несмелову — китайский народ. Тем более что над Ли Яньлином не довлеет утрата родины, как это случилось с Несмеловым. Наоборот, китайский поэт обрел у нас в России, да простится мне это смелое уподобление, вторую родину — через многочисленных русских друзей. Каждое посещение России обогащает Ли Яньлина новыми наблюдениями и переживаниями, которые отливаются затем в яркие строки его новых стихов. Таково и его стихотворение «А в России теплее».

За последние годы уехало
Много ученых из России за границу.
За последние годы уехало
Много девушек из России за границу.
Сколько их на Родину вернется?
Кто-нибудь знает?
Вряд ли. Скажите, разве это не потеря?
Для науки потеря, для любви...

Каждый нынче волен жить по-своему,
Одно неизменно: все скучают по Родине.
Девушка, уехавшая в Америку,
Сказала: «Здесь богаче, а на родине теплее».

Москва, 14 апреля 1997 г.

Закончить свой краткий сравнительный анализ мне хотелось бы строками стихотворения А. Несмелова из книги «Белая флотилия» — «Ты упорен, мастеру ты равен...».

Смертно все, что расцветает тучно,
Миг живет, чтобы оставить мир,
Но бессмертна вещая созвучность,
Скрытая в перекликанье лир.

Так в храме мировой Поэзии возникает и звучит музыка перекликающихся лир, голоса поэтов сливаются в стройный хор, исполняющий гимн Жизни и Любви. И в этом хоре, где каждый на своем историческом месте, стоят имена А. Несмелова и Ли Яньлина, звучат их произведения, проникнутые духом гуманизма.

Журнал «Литература и искусство в России», Пекин, 2004